
ЛИВ ВЬЕН
ПЫШНОЕ
счастье
БЫВШЕГО

Лив Вьен

Пышное счастье бывшего. Сражайся, майор!

«Автор»
2026

Вьен Л.

Пышное счастье бывшего. Сражайся, майор! / Л. Вьен — «Автор», 2026

– Испугалась, Маша? Хотя, ты всегда боялась трудностей, да?Я замираю, сжав кулаки, и шумно выдыхаю, борясь с поступающими слезами.Вот же урод. Сволочь. Намекает, что мы расстались из-за моей слабости? А не из-за того, что он вечно пытался контролировать меня?Решившись, я медленно поворачиваюсь к мужчине. И мрачно отвечаю ему:– После тебя мне уже ничего не страшно, Корнеев. Хорошо, посмотрим, чему ты сможешь меня научить..._____Она администратор спортклуба. Он ее бывший, военный в отставке. А теперь он ее инструктор по самообороне.Она ушла от него, потому что он все контролировал. Но былые чувства вспыхивают вновь. Кто первым из них сдастся?

© Вьен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Лив Вьен
Пышное счастье бывшего. Сражайся, майор!

Глава 1

– Ну и долго ты будешь – тут статую изображать, а, Маш? – слышу я ехидный голос подруги, и по совместительству администратора нашего спортклуба. – Или решила грушей для битья поработать?

Я пропускаю ее реплики мимо ушей и делаю глубокий вдох перед дверью в зал. Сжимаю кулаки, будто уже начала сражаться, но внутренние страхи побороть не так-то просто. И мне кажется, что надо мной все будут смеяться. Толстуха, решившая заняться рукопашкой. Смех, да и только!

– Иди давай! Новый тренер, говорят, просто мужчина мечты, так что не тормози! – фыркает Катька.

А потом эта засранка бесцеремонно толкает меня внутрь. Я вваливаюсь в тренировочный зал, взмахнув руками, как птица, и едва не падаю. Выпрямляюсь, чувствуя, как от смущения вспыхнуло лицо, и поднимаю глаза на присутствующих.

Пара девчонок модельной внешности пялится на меня с насмешливым недоумением. Но рядом с ними тетка в возрасте, и двое таких же, как я. И я выдыхаю облегченно, больше не чувствуя себя белой вороной. Ровно до того момента, пока не нахожу глазами тренера. Того самого мужчину мечты, про которого твердила мне Катька.

Сердце, как в дешевом романе, пропускает удар, и я хватаю ртом воздух. В груди что-то сжимается, и я невольно отступаю, мечтая об одном – сбежать отсюда.

Какого хрена... Что он тут забыл? Он что... и есть тренер?!

Кирилл выглядел так же, как и два года назад, когда мы расстались. Такой же мужественный и внушительный, с косой саженью в плечах и твердым, упрямым подбородком. Настоящий солдат, служба для которого превыше всего остального.

Знакомый до боли взгляд серых, холодных глаз находит меня, и я вздрагиваю. А после мужчина поджимает губы, окидывая меня оценивающим взглядом с ног до головы.

– Маша? Надо же, ты так... изменилась.

В голосе Кирилла слышится насмешка, и я мгновенно взрываюсь, видя, как шепчутся красотки за его спиной.

– Ты тоже, Корнеев, – цежу сквозь зубы, пряча за злостью обиду и стыд. – Что, навоевался? Весь долг отдал родине? Жаль, мне ничего не досталось.

Лицо мужчины перекашивает, и он сжимает челюсти до хруста. Я до сих пор помню, как триггерит его эта тема. Напряжение между нами можно потрогать руками, и пялюсь на него исподлобья, готовая к чему угодно.

Ну же, давай, ответь. Так хочется хоть раз заткнуть тебя, поставить на место, как раньше не могла.

Красотки замолкают, и взгляды присутствующих устремляются на нас в ожидании зрелища. Но, к моему сожалению, Кирилл выдыхает и берет себя в руки.

– Это теперь не твое дело, Романова, – хрипло отвечает он, с трудом пряча в голосе раздражение. – Ты здесь, чтобы прошлое вспоминать?

– Нет, чтобы научиться драться, – парирую я, испытывая желание продемонстрировать ему это прямо сейчас. Врезать бы этому гаду хорошенько за все!

Мужчина удивленно поднимает бровь.

– Зачем тебе это?

– Чтобы держать подальше от себя таких, как ты! – почти выкрикиваю я, но тут же понижаю голос, увидев любопытные лица остальных. – Впрочем, пожалуй, я найду себе другого тренера. Прощай.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Но на полпути меня догоняет голос Корнеева.

– Испугалась, Маша? Хотя, ты всегда боялась трудностей, да?

Я замираю, сжав кулаки, и шумно выдыхаю, борясь с поступающими слезами.

Вот же урод. Сволочь. Намекает, что мы расстались из-за моей слабости? А не из-за того, что он вечно пытался контролировать меня?

Решившись, я медленно поворачиваюсь к мужчине. И мрачно отвечаю ему:

– После тебя мне уже ничего не страшно, Корнеев. Хорошо, посмотрим, чему ты сможешь меня научить...

Глава 2

Корнеев морщится, словно жалея о собственных словах. Наверное, думал, что я сбегу, сдамся.

– Ладно, черт с тобой, – сквозь зубы цедит он, косясь на остальных, прислушивающихся к нашему разговору. – Раз пришла, работаем. Но поблажек не жди!

Я презрительно фыркаю, выражая свое отношение к его словам, и незаметно выдыхаю, беря себя в руки.

Поблажки его мне и даром не нужны. И если он за те три года, пока мы встречались, так и не понял, что я упертая – это его проблемы.

После расставания с ним я долго пыталась собрать себя в кучу: спортзал, диеты, салоны красоты и новый образ. А потом случился тяжелый год: сначала заболела мама, и я была вынуждена ухаживать за ней, забыв про выходные, на нервах, перекусывая чем доведется второпях. Потом мама пошла на поправку, но тело запомнило этот режим выживания. Я «расплылась», и не только из-за еды. Это был год, когда я держала на себе все, а себя не держала вовсе. И только сейчас я решилась все исправить.

Разминка начинается с наклонов, и я издаю мысленный стон. Кирилл чеканил команды ровным, стальным голосом, будто не передо мной стоял, а перед взводом новобранцев.

– Наклон вперед! Касаемся руками пола! Не халтурим!

Я кряхчу, как старая калоша, и тянусь изо всех сил, чувствуя, как мышцы протестуют, а кожа горит от пота. Перед глазами все плывет, в висках стучит, но я стискиваю зубы и продолжала. Пусть он видит, что я здесь не прихоти ради. Пусть знает: я больше не та дурочка, которая вздыхала и соглашалась со всем подряд, лишь бы не спорить.

Рядом со мной пыхтит женщина лет пятидесяти – крепкая, жилистая, с упрямым взглядом. Она тоже не гнется, как гимнастка, но делает все без заминок. Я ловлю ее сочувствующий взгляд, и от этого становится чуть легче.

А вот длинноногие красотки изгибаются, как на фотосессии, и бросают на Кирилла взгляды, полные надежды. Но он будто не замечает их, только время от времени поправляет кого-то, резко, по-военному, без нежностей.

Когда очередь доходит до растяжки, я чувствую, как мир начинает плыть. Перед глазами появляются черные точки, а в груди становится тесно, и я хватаю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Но, стиснув кулаки, продолжаю тянуться, пусть из через силу.

Кирилл идет вдоль ряда, хмуро оглядывая нас, и вдруг останавливается рядом со мной.

– Романова, не перенапрягайся, – слышу я его недовольный голос. – Хочешь связки себе порвать?

Я вскидываю на него глаза, чувствуя, как злость смывает слабость.

– Делаю, как могу, – цежу сквозь зубы.

Он смотрит на меня пристально, будто пытался прочесть мои мысли. И укоризненно качает головой.

– Делаешь так, что потом скорую придется вызывать. – Дыши. И не тяни через боль.

Я хочу ответить колкостью, но сил хватает только на то, чтобы не упасть. А он проходит мимо как ни в чем не бывало, и это будит во мне злость. Она придает сил, и туман перед глазами рассевается, а я чувствую себя готовой ко всему. И в первую очередь доказать Корнееву, что он меня недооценивает.

Тренировка идет дальше – стойки, защита, удары. Кирилл показывает, как закрываться от удара, как ставить блок, как бить, чтобы не сломать себе руку. Я повторяю за ним, сбивая дыхание, чувствуя, как дрожат мышцы, как пот заливает глаза. И каждый раз, когда он проходит мимо, мое сердце буквально выпрыгивает из груди.

Но в этот раз, когда у меня никак не выходит правильная стойка, он останавливается и подходит ко мне. Встает сзади, и я замираю, будто меня ударили током. Его руки уверенно ложатся на мои плечи, и он чуть сдвигает меня, коленом раздвинув ноги пошире.

Я заливаюсь краской, и замираю, понимая, что надумываю себе то, чего нет.

– Не заваливайся вперед, – его низкий, властный голос звучит прямо над ухом, и от этого по спине бегут мурашки. – Держи корпус ровно, а ноги шире. Ты не атакуешь, а защищаешься.

Я сжимаю кулаки, стараясь не думать о том, как близко он стоит, и что пахнет от него так же, как и два года назад – чистотой, травяным мылом и чем-то острым, мужским, знакомым до боли.

– Поняла, – шепчу в ответ, стараясь, чтобы голос звучал твердо, а не дрожал.

Он замирает на секунду, будто хочет что-то добавить, а потом шагает к следующей девушке. А я остаюсь стоять, чувствуя, как внутри все гудит, будто натянутая струна.

Красотки не сводят с меня взглядов – теперь уже не насмешливых, а злых и колючих. Особенно та блондинка, которая весь урок строила ему глазки. Каждый раз, когда Кирилл подходит ко мне, ее лицо становится жестче, а взгляд – холоднее.

Когда тренировка заканчивается, я прислоняюсь к стене, пытаясь отдышаться. Мир кружится, в ушах звенит, но я не позволяю себе упасть. Не здесь. Не перед ним.

Я выхожу из зала, и ноги подкашиваются, будто я не разминку делала, а три раунда с тяжеловесом отстояла. Пот стекает по вискам, липнет футболка к спине, а в груди такое жжение, будто легкие сейчас взорвутся. Но я держу спину ровно, не позволяю себе согнуться пополам, даже когда мир перед глазами плывет серыми пятнами. Пусть видит, что я не сломалась.

Глава 3

Кирилл стоит в коридоре у двери, будто карауля меня, небрежно скрестив руки на груди. В его взгляде ни капли жалости, только эта его фирменная жесткость, от которой у меня раньше мурашки бежали по коже, а теперь внутри все сжимается в тугой, злой узел. Он смотрит на меня так, что хочется одновременно сбежать и врезать ему.

– Завтра в восемь, – бросает он небрежно, однако глаза остаются серьезными. – И не опаздывай. Раз ты решила, что потянешь, будем работать по-взрослому.

Я вскидываю подбородок, хотя колени предательски дрожат.

– Я приду, – цежу сквозь зубы, стараясь, чтобы голос не сорвался на хрип.

Он чуть приподнимает бровь – эта его привычка, от которой меня всегда бесило. Как будто он знает, что я вру, и даже не считает нужным это комментировать.

– Посмотрим, насколько тебя хватит, – сухо отвечает он.

Я делаю шаг вперед, и тут же чувствую, как земля уходит из-под ног. Перед глазами мелькают черные точки, дыхание сбивается, и я едва успеваю схватиться за дверной косяк, чтобы не рухнуть.

Кирилл оказывается рядом в долю секунды – его пальцы жестко смыкаются на моем локте, удерживая, не давая упасть.

– Все, Маша, хватит, – в его голосе звучит не забота, а приказ. – Ты уже доказала мне все, что хотела. Иди домой, поешь нормально, поспи.

Я дергаю рукой, вырываясь из его хватки, и отступаю на шаг, чувствуя, как щеки заливает жар унижения.

– Не надо меня жалеть! – выдыхаю я, почти кричу, и тут же понижаю голос, потому что в коридоре на нас начинают оборачиваться. – Я пришла тренироваться, а не слушать снова твои приказы!

Он смотрит на меня так, что хочется провалиться сквозь пол, но я не опускаю глаз. Пусть видит, что я не та девочка, которая плакала у него на плече, когда он в очередной раз решал за нее, куда идти и что делать.

– Ладно, – наконец произносит он, и в его голосе слышится что-то новое – не раздражение, а… уважение? – Завтра посмотрим. Если придешь – будем работать. Если нет – я не буду бегать за тобой.

Я усмехаюсь, хотя внутри все дрожит.

– Ты и тогда не бегал особо. Тебе важней была твоя служба, чем я...

Корнеев сжимает челюсти, и его взгляд темнеет, будто мои слова его задевают. Я напрягаюсь, но он, не сказав больше ничего, разворачивается и уходит, будто дезертируя с поля боя. А я остаюсь, прижавшись спиной к стене, и пытаюсь унять бешеный стук сердца.

***

В раздевалке меня встречает тишина. Девочки, которые еще недавно хихикали и перешептывались, теперь делают вид, что меня здесь нет. Только одна из них – та самая длинноногая блондинка, которая весь урок строила Кириллу глазки, – нарочно задевает меня плечом, когда проходит мимо.

– Аккуратнее, – шиплю я, хватаясь за скамейку, чтобы не потерять равновесие.

Она останавливается, медленно поворачивает голову и смотрит на меня сверху вниз, будто я – пятно на полу, которое нужно оттереть.

– Ой, прости, – протянула она с фальшивой улыбочкой. – Тут так тесно… Или это ты такая… объемная? Может, тебе в другой зал? Где побольше места… для таких.

Смех прокатывается по раздевалке, как волна, и я чувствую, как внутри все закипает. Но я не даю себе сорваться.

– Тесно тут только от твоего самомнения, – спокойно отвечаю я, хотя больше хочется расцарапать ей лицо. – А мне места хватает.

Ее маска невинности на секунду трескается, и в глазах мелькает злость – настоящая, острая, как лезвие. Она делает шаг ко мне, будто хочет что-то сказать, но тут дверь хлопает, и в раздевалку заходит другая девушка – та самая, что тренировалась рядом со мной, такая же «не модель», как и я.

– Ты как? – спрашивает она, глядя на меня с искренним беспокойством. – Ты там в зале чуть не упала…

Я выдыхаю, и напряжение немного спадает.

– Нормально, – говорю, стараясь улыбнуться. – Просто… первый день. Все будет ок.

Она кивает, будто понимает без слов, и протягивает мне бутылку воды.

– Держи. И не слушай их. Они просто не понимают, каково нам. А ты молодец, что пришла.

Я отпиваю воды, чувствуя, как прохлада растекается внутри, и улыбаюсь ей.

– Спасибо, – шепчу я благодарно.

И тут в раздевалку влетает Катька, как ураган.

– Машка! – кричит она, оглядывая меня с ног до головы. – Ты жива?! Я думала, ты там в обморок грохнешься!

Я выдыхаю, чувствуя, как отпускает напряжение.

– Почти, – признаюсь я, садясь на скамейку и чувствуя, как ноют все мышцы сразу. – Но не грохнулась.

Катька плюхается рядом.

– Не обращай внимания на этих куриц, – шепотом произносит она и кивает в сторону девчонок. – Они тут все через одну звезды. А ты молодец. Хоть и сумасшедшая.

Я смеюсь тихо.

– Без тебя я бы сюда вообще не зашла.

Она фыркает.

– Да ладно. Зато теперь у меня есть повод каждый день тебя выгонять на тренировку. Чтобы ты не сидела дома и не грызла себя.

Я киваю, понимая, что она права. Дома я бы снова начала думать, сомневаться, вспоминать прошлое. А здесь… здесь я просто дышу, потею и стараюсь вернуть былую себя. Хотя, рядом с Корнеевым это выходит скверно.

Глава 4

Утро встречает меня подлым, издевательским светом сквозь щель в шторах. Я пытаюсь повернуться на бок и чуть не вою в голос – кажется, будто каждая мышца в моем теле объявила мне войну и уже выиграла первую битву. Плечи горят, бедра ноют, а спина будто чужая, деревянная, не желающая гнуться.

Сука, Корнеев. Довел.

Я лежу пластом, глядя в потолок, и составляю в голове план мести на тему «как испортить человеку жизнь за одну тренировку». Телефон валяется на тумбочке, и я тянусь к нему с мыслью набрать номер работы и прохрипеть что-то трагическое про температуру. Но стоит представить самодовольную ухмылку Кирилла, как рука сама отдергивается от телефона.

Черта с два. Не дождется.

Со стоном, достойным умирающего лебедя, я сползаю с кровати и ковыляю в ванную, чувствуя себя столетней старухой. Горячий душ немного возвращает меня к жизни, хотя тело все равно ощущается так, будто по нему проехался грузовик, а потом сдал назад для верности.

День в спорткомплексе тянется бесконечно. Я сижу за стойкой администратора, механически отвечаю на звонки, выдаю ключи от шкафчиков и улыбаюсь клиентам той самой дежурной улыбкой, которая словно оскал. Катька то и дело подходит к стойке ресепшена, придирчиво изучая меня.

– Ты зеленая какая-то, – констатирует она после обеда, протягивая мне кофе. – Может, домой пойдешь?

– Не могу, – бурчу я, обхватывая стаканчик негнущимися пальцами. – У меня же вечером снова тренировка.

Катька смотрит на меня так, будто я объявила о желании прыгнуть с парашютом без парашюта.

– Машка, ты сумасшедшая.

– Есть немного, – соглашаюсь я и делаю глоток, надеясь, что кофеин хоть немного склеит меня обратно в человека.

Весь день где-то на периферии сознания маячит одна мысль, назойливая, как заноза: через несколько часов я снова увижу Кирилла. И снова придется тянуться, приседать, стоять в неудобных стойках под его пристальным, оценивающим взглядом. При одной мысли об этом тело откликается новой волной ноющей боли, будто заранее готовится к пытке.

Я укоризненно смотрю на часы. Время тянется как резина, будто мне назло.

К вечеру я успеваю пожалеть о собственном упрямстве раз сто, не меньше. В зале все по-прежнему – кто-то разминается, кто-то болтает у стены, блондинка снова красуется в углу, картинно растягиваясь так, чтобы Кирилл непременно это заметил. Он, впрочем, здоровается со всеми одинаково сухо, и я мысленно злорадствую.

– Ну что, Романова, живая? – бросает он, окидывая меня коротким взглядом, в котором проскальзывает что-то похожее на удивление.

– Более чем, – вру я нагло, хотя одно то, что я стою на ногах, уже маленький подвиг.

Он хмыкает, не то одобрительно, не то насмешливо, и командует начинать разминку.

Следующий час превращается в размытое пятно боли, пота и отборных ругательств, которые я произношу исключительно про себя, стиснув зубы. Каждое движение отдается в мышцах острой вспышкой, будто кто-то методично вгоняет иголки в каждую клеточку тела. Я шиплю, кряхчу, один раз чуть не падаю на ровном месте, но упрямо продолжаю – удар, блок, шаг назад, удар.

Не сдамся. Не у него на глазах.

Кирилл ходит вдоль ряда, поправляет девчонок, командует, но я замечаю, что его взгляд то и дело задерживается на мне чуть дольше, чем на остальных.

К концу тренировки я держусь на одной злости и упрямстве – других ресурсов в организме, кажется, не осталось. В коридоре после раздевалки мир снова начинает предательски качаться. Я хватаюсь за стену, зажмуриваясь, и слышу знакомые тяжелые шаги.

– Так, все, приехали, – раздается над ухом низкий, властный голос, и жесткие пальцы смыкаются на моем локте. – Я тебя отвожу домой. Не обсуждается.

– Еще чего, – огрызаюсь я, хотя голос предательски дрожит. – Сама доберусь.

– Ты сейчас упадешь, а не доберешься, – отрезает Кирилл, и в его тоне звучит столько армейской непреклонности, что спорить дальше кажется бессмысленным.

Я открываю рот для очередной отповеди, но тут ловлю взгляд блондинки, застывшей у дверей раздевалки. Она смотрит на руку Кирилла на моем локте с такой откровенной, жгучей ненавистью, что мне вдруг становится… приятно. Мелочно, гадко, но приятно.

– Ладно, – цежу я сквозь зубы, вздергивая подбородок. – Только потому что ты все равно не отстанешь.

Уголок его губ дергается, то ли в усмешке, то ли просто нервное. А после он бесцеремонно тащит меня за собой.

Глава 5

В машине пахнет кожей и чем-то смутно знакомым – его парфюмом, тем самым, от которого у меня два года назад подкашивались колени. Я сижу, вжавшись в сиденье, и старательно смотрю в окно, лишь бы не на его руки на руле – большие, сильные, с давним шрамом на костяшке, которого раньше не было. Потому что до сих пор помню, как он обнимал и ласкал меня этими руками, и от воспоминаний становится жарко.

– Завтра на тренировку не приходи, – говорит вдруг Кирилл, не отрывая взгляда от дороги.

Я разворачиваюсь к нему так резко, что что-то хрустит в шее.

– Что?

– То, что слышала, – жестко чеканит он. – Тело не железное, Маш. Ты и так на морально-волевых сегодня отработала. Еще один такой день, и ты в больничку загремишь.

– Это не тебе решать! – взрываюсь я, чувствуя, как в груди снова закипает та самая, старая злость. – Хватит командовать мной, как своими солдатами, Корнеев!

Кирилл на мгновение стискивает руль так, что белеют костяшки, а потом усмехается горько, совсем не так, как я ожидала.

– Уже не командую, – тихо роняет он. – Ни солдатами, никем. В отставке я.

Я замираю, не сразу переваривая услышанное. Кирилл – и в отставке? Тот самый Корнеев, для которого служба была смыслом жизни, ради которой он бросил меня без раздумий?

– Что случилось? – невольно вырывается у меня, прежде чем я успеваю прикусить язык.

Он молчит несколько секунд, глядя на дорогу так, будто там, за лобовым стеклом, видит что-то, чего не могу увидеть я.

– Ранение, – наконец произносит он коротко, буднично, как о погоде. – Долго валялся в госпитале. Потом медкомиссия и все – комиссовали. Назад дороги нет. – Кирилл на секунду сжимает губы, и его взгляд становится колючим. – Вот такие уроки самообороны для домохозяек – все, на что я теперь годен.

В его голосе столько глухой, придавленной горечи, что у меня почему-то сжимается сердце.

– А ты? – спрашивает он вдруг, покосившись на меня. – Что с тобой случилось, Маша? Ты ведь была совсем другой.

Я отворачиваюсь к окну, чувствуя, как неприятный ком подкатывает к горлу.

– Мама заболела, – произношу я неохотно, коротко, не желая вдаваться в подробности. – Пришлось через многое пройти… было не до себя какое-то время.

Он молчит. Не переспрашивает, не лезет с сочувствием, только на мгновение бросает на меня быстрый, задумчивый взгляд, будто пытается осмыслить мои слова.

Машина останавливается у моего дома, и повисает неловкая, вязкая тишина. Я тянусь к ручке двери, судорожно придумывая, как бы попрощаться коротко и сухо, но Кирилл вдруг выходит и обходит машину, чтобы открыть дверь с моей стороны.

– Я сама, – бормочу я, вылезая.

Он не отвечает, просто идет рядом, до самого подъезда, засунув руки в карманы куртки. Я останавливаюсь у двери, поворачиваюсь к нему, и слова благодарности застревают где-то в горле. Он стоит слишком близко, молчаливый, серьезный, и в свете фонаря его серые глаза кажутся почти черными.

– Спасибо, что… – начинаю я и осекаюсь, не в силах закончить фразу под этим взглядом.

Кирилл чуть склоняет голову, и уголок его губ дергается в усмешке.

– Что, даже в гости не пригласишь?

Внутри меня будто щелкает какой-то рубильник. Я вскидываю подбородок, чувствуя, как злость мгновенно вытесняет неловкость.

– Зачем? – ровным, ледяным тоном спрашиваю я. – Хочешь начать все сначала, Корнеев? Поздно. Слишком поздно для этого.

Его лицо мгновенно каменеет, а взгляд темнеет, будто захлопнулась какая-то дверь.

– Это была шутка, Романова, – бросает он резко, грубо, с той самой армейской жестокостью, что я так хорошо помню. – Успокойся. Даже не думал об этом. Ты мне больше не нужна.

Он разворачивается и уходит, не оглядываясь, широким, размеренным шагом, будто уже забыл о моем существовании. А я стою у двери подъезда, глядя ему вслед, и только когда его силуэт скрывается за поворотом, позволяю слезам вырваться на волю.

Глава 6

Будильник вырывает меня из сна в шесть утра, и первую секунду я испытываю острое, почти животное желание запустить телефоном в стену. Но потом вспоминаю вчерашний вечер, и злость поднимается во мне волной.

Я вскакиваю, натягиваю кроссовки и вылетаю на улицу, пока решимость не успела остыть вместе с постелью. Утренний воздух обжигает легкие, ноги гудят с первых же метров, но я стискиваю зубы и бегу дальше, представляя перед собой не асфальт, а самодовольное лицо Корнеева. Каждый шаг – будто удар.

Ты. Мне. Больше. Не нужна.

Отлично, значит и ты мне тоже.

Недели складываются в изнурительный, но упрямый ритм. Утренние пробежки, жесткая диета без поблажек себе, вечерние тренировки до дрожи в ногах. Я худею, пусть и невыносимо медленно, чувствую, как тело медленно, но верно откликается на издевательства, которым я его подвергаю. И каждый раз, ловя в зеркале отражение, я мысленно показываю Корнееву неприличный жест.

Смотри, гад. Смотри и жалей.

На тренировках я выкладываюсь так, что временами темнеет в глазах, а к концу занятия руки трясутся, не в силах удержать даже бутылку с водой. Кирилл наблюдает за этим с явным неодобрением – хмурит брови, поджимает губы, – но, к моему удивлению, больше не пытается меня осадить. Не командует «хватит» и не отправляет отдыхать насильно. Будто решил: раз я такая упрямая идиотка, то сама отвечу за последствия.

Зато он придумывает кое-что похуже.

– Романова, в пару со мной, – бросает он однажды, кивая на маты, и у меня внутри все обрывается.

Следующие полчаса превращаются в персональную пытку. Кирилл раз за разом роняет меня на мат, легко, будто я вешу не больше пушинки, и с той же легкостью отбивает каждый мой удар, каждую попытку атаки, каждый выпад. Я пыхчу, злюсь, снова бросаюсь вперед – и снова оказываюсь на спине, униженная и раздавленная морально.

– Слабо, – комментирует он бесстрастно, протягивая мне руку, чтобы помочь встать. – Думай, а не размахивай кулаками, как мельница.

– Может, ты просто выбрал не ту стратегию воспитания, – огрызаюсь я, отряхивая колени и игнорируя его руку. – Роняешь меня специально, чтобы позлить.

– Роняю специально, чтобы ты научилась группироваться, – спокойно поправляет он, и в его голосе ни намека на насмешку – только та самая раздражающая, деловая сухость. – В следующий раз, может, запомнишь.

Хуже всего то, что при этом он совершенно, показательно нейтрален. Ни тени привычного взгляда, ни намека на что-то личное – передо мной просто тренер, отрабатывающий с ученицей прием. Будто между нами никогда ничего не было. Будто я – одна из десятка девчонок в зале, а не женщина, с которой он три года делил постель и планы на будущее.

И этим с радостью пользуется блондинка.

Ее зовут Вика, я узнаю это спустя пару недель, и с каждым занятием она льнет к Кириллу все откровеннее – трется о него своим шикарным бюстом, картинно «теряет равновесие» рядом с ним, хохочет чуть громче, чем нужно, над его редкими сухими шутками. А он, сволочь, позволяет ей это. Не отталкивает, не одергивает, просто вежливо, отстраненно терпит.

Мне противно на это смотреть. Хочется подойти и сказать что-то едкое, но я одергиваю себя – какое мне, собственно, дело? Пусть хоть замуж за него выходит, вопрос только один: почему при виде этого у меня внутри все сжимается противным, липким узлом?

Но я не ухожу из группы. Не потому что боюсь начать заново с другим тренером – потому что Кирилл, как бы я ни злилась на него, тренирует нас блестяще. И это единственная причина, которую удерживает меня рядом с ним. Единственная!

– Так, – Катька плюхается рядом со мной на скамейку в раздевалке, буравя меня подозрительным взглядом. – Колись давай.

– Что колись? – хмурюсь я, завязывая шнурки.

– Корнеев на тебя последнее время смотрит как-то странно, – тянет она, прищурившись, будто детектив на допросе. – Не как на клиента. У вас что, было чего?

Я замираю на секунду, потом упрямо продолжаю возиться со шнурком, лишь бы не смотреть ей в глаза.

– Ничего у нас нет, – бурчу я. – Вот уже два года как ничего.

Катька выпрямляется так резко, что чуть не роняет с колен бутылку воды.

– ЧТО?! – вопит она на весь спорткомплекс, и я едва успеваю зажать ей рот ладонью.

– Тише ты, дура! – шиплю я, оглядываясь по сторонам. – Хочешь, чтобы весь зал услышал?

Она отдирает мою руку, но понижает голос до заговорщицкого шепота, впрочем, не менее возбужденного.

– Вы что, встречались?!

– Встречались, – нехотя признаюсь я, чувствуя, как против воли краснеют щеки. – Три года. Расстались… скверно.

Катька смотрит на меня долгую секунду, а потом медленно расплывается в понимающей, хитрой ухмылке.

– Старая любовь не ржавеет, – констатирует она с видом человека, только что разгадавшего великую загадку мироздания. – Вот почему он на тебя так пялится.

– Ничего он не пялится, – огрызаюсь я резче, чем следовало бы. – Тебе показалось. Этого гада интересует только устав и дисциплина в его драгоценном зале. Больше ничего.

Катька хмыкает с видом человека, который знает больше, чем говорит, но благоразумно молчит, за что я ей почти благодарна.

***

В воскресенье я, как обычно, еду к маме – с пакетами продуктов, оттягивающими руки, и списком мелких дел, которые нужно переделать. Квартира пахнет ее любимым травяным чаем и чем-то домашним, теплым, а на пороге меня встречает привычная картина: мама, похудевшая после болезни, но с ясными, живыми глазами, хлопочет у окна с цветами.

– Не смей поднимать тяжелое, я же говорила, – ворчу я, забирая у нее полную воды лейку.

– Машенька, я больше не при смерти, – закатывает она глаза, но послушно опускается на стул.

Мы садимся пить чай на маленькой кухне, привычно, уютно, и я на автомате рассказываю ей последние новости с работы, попутно раскладывая продукты по полкам. Мама слушает, кивает, но в какой-то момент вдруг замолкает и внимательно смотрит на меня, склонив голову набок.

– Ты какая-то задумчивая последнее время, – замечает она. – И похудела. Ты нормально ешь?

– Нормально, мам, – отмахиваюсь я. – Просто тренировки тяжелые. Я же говорила, что занимаюсь.

Она щурится, изучая меня с той материнской проницательностью, от которой не спрятаться, сколько ни старайся.

– А, может, ты просто влюбилась? – с хитрым прищуром спрашивает она.

– Мам! – возмущаюсь я громче, чем нужно, чувствуя, как предательски вспыхивают щеки. – Нет, конечно! С чего ты вообще взяла?

Но пока я говорю это с искренним, как мне хочется думать, возмущением, перед глазами вдруг совершенно некстати вспыхивает картинка: серые холодные глаза, крепкие руки, удерживающие меня от падения, низкий голос над ухом.

Я мотаю головой, отгоняя наваждение, и поспешно подливаю себе чай, лишь бы не встречаться взглядом с мамой, которая, кажется, уже все прекрасно поняла и без слов.

Глава 7

– Атакуй давай, Романова! Не жди, пока я усну! – рявкает Кирилл, кружа вокруг меня на матах, и в его голосе столько привычной насмешки, что внутри все взрывается.

Не жди. Ну хорошо.

Я не думаю – просто ныряю вперед, ловлю момент, когда он чуть смещает вес, цепляюсь за его руку тем самым захватом, что он вдалбливал нам две недели подряд, и рывком тяну на себя, одновременно подсекая ногу.

Мир на секунду замирает. А потом я слышу глухой удар, и Кирилл оказывается на мате, спиной вниз, с совершенно ошарашенным выражением лица.

В зале повисает звенящая тишина, а потом кто-то из девчонок ахает, кто-то смеется, а я стою над ним, тяжело дыша, и сама не до конца верю в то, что произошло.

Я его уронила. Я. Его. Уронила. Мать вашу!

Кирилл секунду лежит неподвижно, глядя в потолок, а потом резко поднимается на локтях, и на его губах медленно расползается кривая, удивленная усмешка.

– Ну надо же, – хрипло тянет он, отряхиваясь и вставая. – Не безнадежна, Романова.

Наверное, после этих слов я должна была расцвести от гордости, но вместо этого во мне вспыхивает злость. Не безнадежна. Снисходительно, будто оценку в дневник вписал.

– Спасибо за комплимент, – цежу я сквозь зубы, вставая в стойку. – Может, повторим?

Он прищуривается, явно считывая мое раздражение, и в его глазах мелькает что-то похожее на азарт.

– С удовольствием.

Следующие двадцать минут я дерусь с такой яростью, что забываю про усталость, про ноющие мышцы, про все на свете. Каждый удар, каждая попытка – будто разговор без слов, где я пытаюсь докричаться до него через кулаки, раз через слова не получается.

После тренировки, переодевшись, я выхожу в коридор и вижу впереди широкую спину Кирилла – он идет к выходу, не оборачиваясь. Я специально сбавляю шаг, держась чуть позади: не хочу ни разговаривать, ни снова ругаться.

И тут коридор вздрагивает от резкого, оглушительного грохота где-то за стеной. Я вскрикиваю, отшатываясь к стене. А в следующую секунду замечаю, как меняется Кирилл.

Он замирает на месте – резко, будто налетел на невидимую стену, и его тело мгновенно каменеет. Плечи вздергиваются, взгляд стекленеет, устремляясь в пустоту перед собой, а дыхание становится частым, рваным, будто он бежит, хотя стоит неподвижно.

– Кир? – зову я, но он меня не слышит.

Коридор быстро наполняется людьми – кто-то выбегает из подсобки, кашляя, кто-то кричит про взорвавшийся газовый баллон, кто-то требует вызвать охрану и звонить в пожарную. Тонкая пелена дыма ползет по потолку, щиплет глаза, и все вокруг охватывает суета, крики, топот ног к выходу. А сигнализация начинает орать так, что закладывает уши.

Кирилл вдруг с рычанием отшатывается назад, сбивая с ног стойку с полотенцами, и его лицо искажается в гримасе, которая пугает меня больше, чем сам взрыв.

– Назад! Все назад! – хрипит он кому-то невидимому, вжимаясь спиной в стену, будто отступает от врага, которого вижу только он один.

– Да он невменяемый! – испуганно вскрикивает кто-то рядом. – Держите его!

– Не подходите к нему! – кричу я резче, чем сама ожидала, вставая между Кириллом и перепуганными сотрудниками, которые нерешительно топчутся поодаль.

Я узнаю это. Боже, я узнаю это состояние – видела его дважды за три года, что мы были вместе. Тогда, после учений, после случайного салюта на улице, что напомнил ему звук выстре-

лов. Тогда он тоже вот так замирал, теряя связь с реальностью, и любое резкое движение рядом только ухудшало дело.

– Уходите, – бросаю я через плечо остальным, не сводя глаз с Кирилла, который тяжело дышит, вжавшись в угол, будто загнанный зверь. – Пожалуйста, просто уходите. Я разберусь.

– Дым же… – начинает кто-то.

– Идите к выходу! – рявкаю я, и мой тон, видимо, звучит достаточно убедительно, чтобы люди наконец начали расходиться, кашляя и оглядываясь.

Я остаюсь одна в коридоре с ним – затянутом дымной пеленой, с ревущей где-то сигнализацией. Медленно, очень медленно делаю шаг вперед, поднимая раскрытые ладони, будто приближаюсь к раненому животному.

– Кир, – тихо, мягко зову я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без единой нотки страха, хотя внутри все дрожит. – Кир, это я. Маша.

Он вздрагивает всем телом, его взгляд на мгновение цепляется за меня, но тут же снова уплывает куда-то далеко, в то место, откуда, кажется, невозможно вернуться.

– Свои… там свои, – хрипит он, и от звука его голоса, полного настоящего, животного ужаса, у меня сжимается сердце до боли.

– Тише, тише, – шепчу я, делая еще один шаг, совсем близко. – Слышишь меня? Война закончилась, Кир. Ты дома. Здесь нет войны.

Он мотает головой, будто пытаясь стряхнуть наваждение, дыхание вырывается судорожными, короткими рывками.

– Кирилл, посмотри на меня, – настойчивее, но все так же мягко произношу я, осторожно касаясь его руки. Он вздрагивает от прикосновения, но не отшатывается. – Ты в спортзале. Никакой войны здесь нет.

Что-то в его взгляде на мгновение проясняется, будто сквозь мутную пелену пробивается лучик узнавания. Я не отступаю, продолжаю говорить тихо, размеренно, о том, что все хорошо, что он дома, что рядом только я, и постепенно его дыхание чуть замедляется.

Тогда я делаю то, что делала два года назад, инстинктивно, не задумываясь – обнимаю его. Крепко, всем телом прижимаясь к его напряженной, каменной груди, обхватывая руками так, будто могу удержать его этим простым жестом на земле, в реальности, рядом со мной.

– Я здесь, – шепчу я ему в грудь, чувствуя, как бешено колотится его сердце. – Я здесь, Кир. Все закончилось. Ты в безопасности.

Несколько долгих, страшных секунд он стоит неподвижно, будто каменное изваяние, а потом вдруг обмякает, тяжело выдыхая, и его руки медленно, неуверенно обхватывают меня в ответ, будто он тонет, а я – единственное, за что можно уцепиться.

– Маша… – хрипло выдыхает он мое имя, и в этом единственном слове столько боли, что у меня на глаза наворачиваются слезы.

– Тихо, тихо, я тут, – продолжаю шептать я, не разжимая объятий.

Когда приезжают пожарные, быстро потушив возгорание в подсобке, следом появляется и бригада скорой. Кирилл к тому моменту почти приходит в себя, хотя все еще дрожит крупной дрожью, вжавшись в стену коридора. А я так и не отхожу от него ни на шаг.

– Посттравматическое расстройство? – негромко уточняет врач, окидывая его профессиональным, спокойным взглядом.

– Да, – отвечаю я за него, потому что сам Кирилл, кажется, пока не готов говорить. – Ему нужен укол успокоительного. Обычно помогает.

Медсестра быстро и умело делает инъекцию, и я чувствую, как Кир расслабляется, и его перестает колотить.

– Спасибо, – глухо шепчет он, не поднимая на меня взгляда, и в этом коротком слове звучит столько неловкости, столько непривычной, чуждой ему уязвимости, что мне не по себе.

Я молчу, продолжая держать руку на его плече, и вдруг с пугающей ясностью понимаю: что бы я себе ни говорила все эти недели, как бы ни злилась, ни доказывала себе и всем вокруг, что он мне безразличен – это неправда. Он все еще важен для меня. Слишком важен.

Но вслух я, разумеется, этого не скажу. Никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.